СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 9. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 1 МАЯ 1914 г.

СМОЛЕНСКІЯ УСАДЬБЫ.

(„Самойлово"—имѣніе бывш. кн. Голицына, нынѣ Шульцъ; „Васильевское"—имѣніе графа Граббе; „Скугарево"—имѣніе бывш. Воейковыхъ, нынѣ Попова; „Токарево"—имѣніе Крахтъ).

Иногда положительно неисчерпаемымъ кажется то количество усадебныхъ сооруженій, которое имѣется еще въ предѣлахъ Россіи. Отъ подмосковной области (густо застроенной дворцами) и до лѣсовъ Вологодскихъ или степей Саратовскихъ повсюду можно встрѣтить прелестныя помѣстья. И не только губерніи, типичныя для быта „гнѣздъ дворянскихъ" и традицій, т. е. Орловская, Калужская, Курская, Тульская, Смоленская, Рязанская, Ярославская, Тамбовская, Нижегородская, Симбирская, Полтавская, Черниговская, но даже столь удаленныя отъ центра просвѣщенія и искусства, какъ губерніи Олонецкая, Уфимская или Екатеринославская, изобилуютъ барскими домами, сооруженными лучшими мастерами и наполненными предметами изумительной красоты, вывезенными изъ Парижа, Вѣны и Дрездена...

Самойлово, быв. имѣніе кн. Голицына. Фасадъ со стороны сада.

Самойлово (Смоленск. губ.) бывш. им. кн. Голицына. Фасадъ со стороны подъѣзда.

Многія усадьбы сгорѣли, разорены, передѣланы, достроены или надстроены; иныя проданы ихъ исконными владѣльцами или перешли въ руки полурусскихъ, полунѣмцевъ, полуевреевъ,—вродѣ „Ляличей“, дворца графа Завадовскаго, попавшихъ въ обладаніе нѣкоего Голодца. Сколько залъ и цѣлыхъ домовъ опустошено жадными до наживы антикваріями или столичными „любителями старинки“!

И все-таки, въ обширной и обильной Россіи до сихъ поръ — необъятное количество старины и, такъ какъ почти все это еще не описано, не изслѣдовано и не сфотографировано, а часто и совсѣмъ неизвѣстно *), то нерѣдко приходится положительно наталкиваться на усадебные оазисы изумительной красоты. И чѣмъ дальше отъ крупныхъ центровъ, тѣмъ больше уцѣлѣвшихъ, часто совсѣмъ не тронутыхъ „вотчинъ“, дворцовъ и хуторовъ. Неожиданно, въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ открываются обозрѣвателю прелестныя постройки, флигеля, ворота, часовни и въ нихъ мебель, люстры, фарфоръ. Получается величайшее наслажденіе для такого „охотника за русской архитектурной стариной“ открыть новое, еще неизвѣстное, сооруженіе.

Но какъ велика была любовь къ красивому, какъ значительны были удѣляемыя на жилища и обстановку суммы, если мы вспомнимъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось доставлять всѣ матеріалы, выписывать мастеровъ, если мы вспомнимъ о тѣхъ дорогахъ, по которымъ все это прибывало на мѣста: не вѣрится, порою, въ реальность видимаго...

Тѣмъ болѣе, пока не поздно, пора описать, снять эти „памятники“ усадебной старины, дабы хотя такимъ образомъ передать потомству всѣ эти художественныя сокровища или свѣдѣнія о нихъ. Построенныя часто наспѣхъ, бутафорски и разрушающіеся потому отъ естественныхъ причинъ (напримѣръ, „Очкино“ Черниговской губ.), большинство этихъ сооруженій начала девятнадцатаго столѣтія, конечно, не долговѣчно. Нѣкоторые дворцы построены капитально. И они сохранились бы, но ихъ передѣлываютъ: уширяютъ окна, достраиваютъ террасы, пристраиваютъ кухни, гаражи, оранжереи.

И большей части усадебъ скоро не станетъ. Ремонтъ погубитъ очарованіе многихъ деталей и украшеній, а въ нихъ-то значительная доля того cachet, который и составляетъ прелесть многихъ домовъ. Если бы собрать все это, разсыпанное по Россіи, достояніе—получился бы цѣлый городъ-музей, равнаго которому не сыскать бы въ Европѣ. Надо собрать эти художественныя сокровища хотя бы въ изданіи.

На этотъ разъ остановимъ наше вниманіе на нѣкоторыхъ усадьбахъ одной области Россіи, на усадьбахъ, — являющихся богатыми примѣрами для показанія размаха помѣщичьяго строительства, именно Смоленской губерніи.

„Самойлово“ нынѣ принадлежитъ В. Шульцу, который купилъ его у князя Лобанова-Ростовскаго. Князь, въ свою очередь, пріобрѣлъ это имѣніе отъ купцовъ Александрова и Комарова, которымъ оно досталось съ торговъ давно еще, при продажѣ имущества объявленнаго несостоятельнымъ князя Павла Алексѣевича Голицына.

„Самойлово“—родовое гнѣздо этой вѣтви Голицыныхъ; со времени Елизаветы Петровны и до 1885 г. оно принадлежало имъ. Домъ построенъ въ 1790—

Самойлово. Деталь росписи залъ.

*) Литература усадебъ исчерпывается до сихъ поръ всего пятью, шестью изданіями: нѣсколько статей (и спеціальный, лѣтній № за 1910 годъ) журнала „Старые Годы“; описаніе усадьбы села „Архангельское“ въ журналѣ „Міръ Искусства“; двѣ части „Подмосковныхъ“ изд. т-ва „Образованіе“ и, издаваемые гр. Олсуфьевымъ, „Памятники Тульской старины“, въ которыхъ воспроизведено не мало усадебъ Тульской губерніи. Для всей Россіи это не такъ уже много

И до сихъ поръ такія замѣчательныя имѣнія, какъ „Александрія“ гр. Браницкой, „Очкино“ Е. А. Судіенко, „Сокиренцы“ гр. Ламздорфъ-Галаганъ, „Качановка“ П. И. Харитоненко, „Стольное“ гр. Мусина-Пушкина и много другихъ вовсе не описаны.

Васильевское. Им. графа Граббе. Залъ.

1800 гг. Впослѣдствіи къ нему были пристроены крылья, въ которыхъ помѣщены были іезуиты; здѣсь помѣщалась и тайная канцелярія, и католическая церковь. Все это пряталось въ подземельяхъ во время ревизій, которыя въ царствованіе Николая Павловича бывали часты, ибо Голицыны были не въ фаворѣ у Государя. Когда-то Голицыны были очень богаты. У нихъ въ одномъ этомъ уѣздѣ было 86 тысячъ десятинъ земли, остальная часть уѣзда принадлежала князьямъ Долгоруковымъ и Воейковымъ. Отъ владѣній Долгоруковыхъ не осталось и слѣда: все, что они имѣли, было продано ими крестьянамъ послѣ освобожденія, а дома ихъ были разрушены до основанія. Воейковы часть имѣній продали, а часть земель перешла отъ нихъ къ Татищевымъ.

Самойловскій домъ — выдающійся примѣръ усадебной архитектуры классическаго типа. Одинъ фасадъ его (со стороны подъѣзда) украшенъ полукруглымъ выступомъ, обрамленнымъ коринфскими колоннами, на подобіе Елагина дворца. Окна нижняго этажа большія, полукруглыя; соотношеніе этажей въ смыслѣ пропорціи взято прекрасно. Къ дому примыкаютъ два одноэтажныхъ крыла, заканчивающихся выступающими корпусами, прелестно обработанными портиками изъ іоническихъ колоннъ. Отъ этихъ крыльевъ, въ свою очередь, отходитъ двумя полукружіями колоннада, заканчивающаяся тоже двумя корпусами. Фасады послѣднихъ также украшены портиками.

Въ общемъ получается богатый, огромный дворецъ палладіанской архитектуры, типа виллы Trissini въ Meledo или виллы Godi Porto въ Lonedo.

Итальянская вилла богатаго дожа Венеціи Корнаро или Барбаро — среди лѣсовъ Бѣлоруссіи! Какъ ни удивительно, а, между тѣмъ, это такъ. Бѣлѣющіяся итальянскія классическія колонны, стройные портики выдѣляются на фонѣ, подернутаго туманомъ, стариннаго парка... Величественностью и благороднымъ вкусомъ вѣетъ отъ этого дворца...

Васильевское. Им. графа Граббе. Одна изъ комнатъ.

Самою интересною деталью внутренности дома является обработка стѣнъ. Нынѣ домъ въ запущенномъ состояніи, а прелестныя росписи на стѣнахъ, вѣроятно, скоро погибнутъ. Между тѣмъ, этотъ родъ украшеній стѣнъ медальонами и включенными въ квадраты, изображеніями античнаго сюжета, очень рѣдкій и привлекательный. Здѣсь восьмигранныя круглыя рамки, въ каждой изъ нихъ различный сюжетъ. Гроздья винограда и розы вьются вокругъ трельяжа и все это написано al fresco.

Прелестны печи, но часть ихъ разграблена. Напримѣръ, убраны вазы съ постаментовъ. Роспись архитектурныхъ деталей менѣе красива, но также заслуживаетъ вниманія.

Васильевское (Смоленск. губ.). Им. графа Граббе. Домъ со стороны пруда.

„Васильевское“ принадлежитъ нынѣ графу А. Н. Граббе, которому оно досталось по наслѣдству отъ дяди его по матери, графа Орлова-Денисова; этому послѣднему имѣніе принадлежало со времени Павла I.

Скугарево (Смол. губ.). Имѣніе бывш. Воейковыхъ. Деталь панно.

Скугарево. Имѣніе бывш. Воейковыхъ, нынѣ Попова.

разводы или букеты, то нѣжныхъ, то немного яркихъ по краскамъ цвѣтовъ, похожихъ на тѣ, какія мы видимъ на фарфорѣ Попова, Гарднера и другихъ заводовъ. Съ потолка спускаются прекрасныя огромныя люстры, ампирныя, бронзовыя; въ нихъ свѣчи, и когда трепетнымъ пламенемъ озаряются плафоны, — живая подлинная картина старины встаетъ передъ нами. Даже не вѣрится, что это на яву, кажется будто на сценѣ! Домъ наполненъ старинной мебелью, интересной работы и богато украшенной. Есть много выдающихся портретовъ.

Скугарево принадлежало Воейковымъ со временъ Екатерины II, и нынѣшній домъ построенъ былъ еще въ 1776 г. Но постепенно измѣнялся внѣшній видъ этой екатерининской усадьбы. Сначала надстроили третій этажъ, — чѣмъ сразу измѣнили прежнія пропорціи, — потомъ уничтожили боковыя крылья, соединявшія домъ съ флигелями, три раза затѣмъ обновляли домъ и мѣняли лѣпныя украшенія по вкусу времени. Теперь лишь обработка наличниковъ и пилястры двухъ выступающихъ (въ садъ) частей, украшенныхъ фронтонами, отдаленно напоминаютъ намъ о формахъ екатерининской усадьбы.

П. С. Воейковъ, послѣдній владѣлецъ Скугарева изъ этого рода, передалъ усадьбу своей дальней родственницѣ, которая и продала ее за 60.000 рублей адвокату Дерюжинскому, перепродавшему ее тутъ же за 90.000 рублей Муравьеву, а послѣдній продалъ ее нынѣшнимъ владѣльцамъ Поповымъ.

Въ домѣ интересны interieur'ы эпохи Николая Павловича. Любопытны и характерны для эпохи люстры (огромныхъ размѣровъ изъ papier-maché), обои, драпри, мебель стиля поздняго классицизма; но особенно цѣнны старинныя, фресковаго письма (на бумагѣ клеевыми красками) обои-панно. Сюжеты, изображенные на этихъ обояхъ:

Прежній деревянный домъ сгорѣлъ въ 1812 г., а въ 1826 г. былъ построенъ теперешній. Императоръ Николай I имѣлъ въ немъ пребываніе.

Домъ „Васильевскаго" довольно простой архитектуры, фасадъ его со стороны пруда украшенъ колоннадою (во второмъ этажѣ). Художественный интересъ дома этой усадьбы сосредоточенъ въ его внутреннемъ убранствѣ и особенно въ росписяхъ потолковъ. Плафоны эпохи расцвѣта ампира заполнены, главнымъ образомъ, орнаментальными сюжетами, но иногда встрѣчаются и изображенія фигуръ (en grisaille).

Особенно хороши плафоны, напоминающіе роспись потолковъ только что начатаго сломкою (несмотря на протесты всѣхъ обществъ и прессы) дома Леонтьевыхъ въ Гранатномъ переулкѣ въ Москвѣ и представляющіе ромбы, круги, квадраты, внутри которыхъ — цвѣты и изображенія миѳологическихъ сценокъ. Фризъ украшаютъ маски, отъ которыхъ отходятъ орнаментальные

Токарево (Смоленск. губ.). Имѣніе Крахтъ. Гостиная.

виды парижскихъ зданій, соединенныхъ въ очень курьезныхъ комбинаціяхъ; напримѣръ, рядомъ S-te Sulpice, Chambre des Députés, Hôtels des Invalides и Louvre,— все это какъ фонъ, на которомъ гуляютъ и катаются верхомъ юноши и дѣвушки...

Домъ въ „Токаревѣ" образецъ ранняго классицизма. Портикъ его не лишенъ курьезности формъ. Хороши колонны, фризъ, покоящійся на арочкахъ, и арочки, украшенныя кэссонами.

Красивы скульптурныя вставки въ квадраты и въ круглые медальоны между окнами перваго и второго этажей и по бокамъ оконъ крыльевъ: эти окна очень красивы, они украшены парными пилястрами.

Удлиненная пропорція колоннъ свидѣтельствуетъ о томъ, что домъ этотъ относится къ эпохѣ ранняго классицизма, быть можетъ, еще къ концу XVIII ст. Съ одной стороны дома портикъ опирается на своды, съ другой (въ садъ) къ портику пристроена позднѣйшая по обработкѣ лѣстница. Въ архитектурѣ дома много величественности и всѣ детали его крайне любопытны. Внутри ясно выраженный стиль эпохи Николая Павловича.

Залы, мебель, люстры (лѣпныя и золоченыя), занавѣски, каминные экраны — все это эпохи поздняго классицизма. Старинныя обои, золото рамъ и люстръ, блестящій паркетъ, рѣзьба на красномъ деревѣ мебели, съ привкусомъ возрождающагося рококо эпохи начала царствованія Александра II.

* * *

Вотъ нѣсколько типовъ усадебъ Смоленской губерніи. Есть здѣсь и иныя по обработкѣ сооруженія. Напримѣръ, „Пречистое" Муромцевыхъ — англійская готика очень своеобразныхъ формъ, но къ этимъ усадьбамъ мы еще вернемся.

Георгій Лукомскій.

Токарево (Смоленск. губ.), имѣніе Крахтъ.

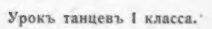
Бронзовая статуя князя Іосифа Понятовскаго, работы Торвальдсена. Стоитъ на одной изъ террасъ парка въ имѣніи св. княгини И. И. Паскевичъ въ Гомелѣ.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

(УЧИЛИЩЕ ОРДЕНА СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ).

Постр. Д. Кваренги (1804 г.).

Фасадъ Института по наб. Фонтанки.


Урокъ танцевъ I класса.

Фотогр. нашего художника.

Фотогр. нашего художника.

Урокъ пѣнія.

Памятникъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому въ зданіи Института.

Урокъ гимнастики приготовительнаго, VII и VI классовъ.

ГРАФИНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

„Такъ бѣднымъ, коимъ вѣкъ она
благотворила,
Изъ гроба своего источникъ благъ
открыла"...

Исторія о графинѣ-крестьянкѣ—одна изъ самыхъ поэтичныхъ, красивыхъ и печальныхъ страницъ далекой помѣщичьей жизни нашихъ вельможъ на зарѣ прошлаго вѣка. Въ досадно недосказанныхъ, случайныхъ и разбросанныхъ отрывкахъ дошелъ до насъ разсказъ объ увлеченіи юнаго представителя старѣйшаго рода своей крѣпостной артисткой, увлеченіи, которое выросло въ столь глубокое и серьезное чувство, что было закрѣплено бракомъ и ради этого было порвано со всѣми условностями свѣта.

Графиня-крестьянка... Какъ скупо писали современники о ней, сколько утаеннаго осталось объ этой исключительной русской женщинѣ, въ которой горячая, беззавѣтная любовь къ увлекшемуся ею вельможѣ такъ гармонично сочеталась съ рѣдкой добротой, съ чисто русской „жалостью" ко всѣмъ сирымъ, убогимъ и обиженнымъ.

Бракъ крестьянки, крѣпостной артистки Прасковьи Ивановны Ковалевской, съ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ былъ признанъ и одобренъ обоими императорами—Павломъ, съ которымъ графъ Николай Шереметевъ дѣлилъ часы дѣтскихъ игръ, и Александромъ I. Передъ этимъ признаніемъ долженъ былъ склониться Дворъ, должно было склониться негодовавшее общество. Но въ глубинѣ была затаена ненависть къ этой „новоявленной графинѣ", вырвавшей одного изъ самыхъ завидныхъ жениховъ въ государствѣ. Много горя принесъ этотъ бракъ и родителямъ молодого графа, такъ кичившимся, такъ величаво отклонявшимъ всѣ возникавшіе разговоры о предложеніяхъ невѣстъ. Извѣстно, что, когда разстроилось сватовство Великой Княжны Александры Павловны за короля Швеціи, Императрица внимательно пріискивала ей жениха среди достойнѣйшихъ приближенныхъ. Однажды она подошла къ графинѣ Головиной, не отличавшейся особой быстротой ума.

— „Знаете ли вы,—сказала Екатерина II,—„что я очень озабочена устроить судьбу моей внучки Александры. Мнѣ хочется ее выдать за графа Шереметева".

— „Я слышала объ этомъ, Государыня,—отвѣтила простодушная графиня Головина,—но, говорятъ, что семья его на это не соглашается"...

Разумѣется, Императрицу очень насмѣшилъ этотъ отвѣтъ, сообщаетъ лѣтописецъ, но онъ характеренъ для того, чтобы оттѣнить, какъ кичливы были старики Шереметевы.

И вдругъ, какъ громъ среди бѣла дня, вѣсть о томъ, что графъ Николай Шереметевъ, въ присутствіи ближайшихъ друзей, обвѣнчался въ одной изъ московскихъ церквей съ „актриской" своего крѣпостного театра. Конца не было негодованію свѣта. Воспитательница великихъ княженъ, ходячій кодексъ добродѣтели всего „свѣта" того времени, княгиня Шарлотта Карловна Ливенъ, дала сигналъ къ тому, чтобы всѣми силами порицать поступокъ молодого графа, его женитьбу на „une de ses esclaves".

Опомниться не могли, какъ слухъ оказался дѣйствительностью. Кто могъ предполагать, что „амурныя дѣла" между графомъ и его крѣпостной артисткой зашли такъ далеко? Кто въ то время могъ понять возвышенное чувство къ рабынѣ, да къ тому же рабынѣ-лицедѣйкѣ?! Всѣмъ было вѣдомо, что театры крѣпостныхъ были мало чѣмъ лучше гаремовъ. Кто изъ молодыхъ вельможныхъ дворянъ не отдавалъ въ молодости дань этимъ актрисамъ-крѣпостнымъ, любовницамъ на часъ, на недѣлю, на мѣсяцъ. Но женитьба на одной изъ нихъ—это было для тогдашняго свѣта поистинѣ чѣмъ-то чудовищнымъ! Да и къ тому же Жемчугова (такую театральную фамилію получила Прасковья Ковалевская) не была красавицей; неправильное, но подвижное и нервное лицо ея озарялось только на рѣдкость привлекательными ласковыми, нѣсколько грустными глазами; сложенія она была слабаго, болѣла нерѣдко. Чѣмъ тутъ надолго прельститься, думали всѣ. А до души Параши Жемчуговой кому какое было дѣло, никто о томъ ни на минуту не задумывался; къ тому же едва ли не большинство того времени къ признанію души у „подлаго сословія" относилось весьма скептически...

Гр. Николай Петровичъ былъ человѣкъ тоже очень добрый, нѣжный, съ чуткой душой, понимавшій и чувствовавшій страданіе близкихъ ему людей, безотносительно отъ ихъ общественнаго положенія. Ему пришлось принять на себя управленіе Кусковской театральной школой и Кусковскимъ театромъ и онъ всецѣло отдался новому дѣлу. Въ то время Параша Жемчугова, только что окончивъ театральную школу, стала выступать на сценѣ. Въ Парашѣ, съ малыхъ лѣтъ отличавшейся способностями быстро и легко все усваивать, приняла участіе родственница Шереметевыхъ, кн. М. М. Долгорукова, и дѣвушка получила совершенно исключительное образованіе. Она знала французскій и итальянскій языки, была одарена большими музыкальными способностями и хорошимъ голосомъ. Немудрено, что молодой графъ сразу примѣтилъ и выдѣлилъ ее изъ среды остальныхъ своихъ крѣпостныхъ актрисъ. Хорошій віолончелистъ, графъ проводилъ чуть ли не всѣ вечера вдвоемъ со своей крѣпостной, аккомпанируя ея пѣнію или вмѣстѣ съ нею разбирая на клавесинахъ новыя ноты. А что болѣе музыки можетъ сблизить два юныхъ сердца! Какъ располагаетъ она къ нѣжности, ко взаимному влеченію!..

Простъ и естественъ кажется намъ результатъ сближенія двухъ молодыхъ людей, но какъ ужасенъ онъ былъ для людей „свѣта" того времени.

Когда въ 1801 году бракъ между ними состоялся въ тиши приходской церкви, то существовавшія между ними отношенія характеризовались, какъ „двадцатилѣтняя привычка другъ къ другу".

„Единственнымъ поводомъ къ возведенію ея супругомъ на высокую степень земного благополучія,—читаемъ въ интересномъ документѣ того времени,—была безпремѣнная неразлучность, въ продолженіе которой его вѣрная, всѣми чувствіями преданная супруга, безпрестанно дышала единою волею, единымъ угожденіемъ и страстною привязанностію къ супругу"...

Но глубокая драма скрывалась, видимо, въ душѣ молодой женщины. Много страданія пришлось ей перенести; много тяжелыхъ обидъ и уколовъ самолюбія, отъ которыхъ молодой мужъ былъ не въ силахъ ее защитить, расшатали вконецъ и безъ того ея хрупкое здоровье. Тяжка ей была жизнь. Однажды, оправившись отъ серьезной болѣзни, она вырѣзала на печаткѣ, съ которой никогда не разставалась: „Наказуя, накажи меня, Господь, смерти же не предаде".

Тщетно искала она забвенія въ добрыхъ дѣлахъ; „никогда злато ея не оставалось въ сокровенности, щедрая рука ея простиралась всегда къ бѣдности и нищетѣ и казнохранилища ея при всѣхъ способахъ наполненія остались пусты,—говоритъ современникъ,—все раздано, все обращено на помощь человѣчеству". Но злая, безпощадная дѣйствительность подтачивала ее, не зная жалости.

Не долго пришлось молодой женщинѣ носить графскій титулъ: три недѣли спустя послѣ рожденія сына, она скончалась въ приступѣ злѣйшей чахотки. Смерть ея тяжкимъ бременемъ легла на графа Николая Шереметева.

Онъ совсѣмъ отстранился отъ общественной жизни и отдался дѣламъ благотворенія: Чтя память покойной жены, онъ устроилъ страннопріимный домъ въ Москвѣ съ больницей и положилъ большой капиталъ для выдачи приданаго бѣднымъ невѣстамъ. Но онъ не находилъ себѣ успокоенія и въ дѣлахъ благотворенія. „Во всемъ богатствѣ и пышности,—писалъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ въ завѣщаніи своему сыну Дмитрію,—не находилъ я ничего утѣшительнаго. Помни—житіе человѣка кратко, весь блескъ міра сего исчезнетъ неминуемо".

Шесть лѣтъ спустя послѣ смерти графини и его останки положили въ родовой усыпальницѣ Шереметевыхъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, рядомъ съ останками его жены.

Такъ закрылись странички исторіи графини-крестьянки, полныя грустной, печальной поэзіи...

Ив. Лазаревскій.

* * *

Кромѣ приводимаго нами снимка съ гравированнаго изображенія графини П. И. Шереметевой со всѣми подписями, существуетъ еще и безъ подписей; эти листы не описаны у Ровинскаго. Мнѣ приходилось ихъ видѣть въ собраніи Е. Н. Тевяшова и П. Я. Дашкова. Живописныхъ изображеній гр. П. И. Шереметевой нѣсколько. Изъ нихъ очень курьезенъ изображающій графиню беременной въ полосатомъ халатѣ; находится онъ въ Кусковѣ.

II.

СТРАНИЦА ПРОШЛАГО.

Въ то время, какъ во Франціи маркизы влюблялись въ пастушекъ, у насъ на Руси существовали другого сорта поэтическіе „мезальянсы": любовныя связи и браки господъ съ мужичками, всесильныхъ вельможъ съ „крѣпостными дѣвками". Обыкновенно это было на почвѣ увлеченія театромъ и, въ частности, балетомъ. Дворовыя красавицы, становясь „Псишами" и „Парашами", входили мало по малу, а то и сразу, въ семейную жизнь своихъ господъ, поклонниковъ Таліи и Терпсихоры и, соединяясь съ ними узами законнаго брака, сдабривали своей густой плебейской кровью многочисленные, но уже нѣсколько анемичные корни стараго родословнаго дворянскаго древа.

Однако, между всѣми этими довольно таки банальными дворянско-крѣпостными романами встрѣчались исключенія; бывали случаи, когда связи и браки зарождались на почвѣ искренней глубокой любви, когда крѣпостная дворовая или крестьянка по своему уму, характеру и красотѣ ничѣмъ не уступала настоящей „барынѣ".

Такимъ счастливымъ исключеніемъ была знаменитая въ свое время Параша Ковалева, родившаяся въ 1758 году въ семьѣ крѣпостного кузнеца Ивана Ковалева и умершая въ 1803 году графиней Прасковьей Ивановной Шереметевой, законной супругой графа Николая Петровича Шереметева.

Параша Ковалева знакома намъ не только по архивнымъ записямъ, но и по народной пѣснѣ, сложенной анонимнымъ авторомъ въ тѣ годы, когда еще была ярка память объ этой удивительной во многихъ отношеніяхъ женщинѣ. Пѣсня эта, извѣстная еще до сихъ поръ среди цыганъ подъ названіемъ „Шереметевской" (въ нѣсколько измѣненномъ варіантѣ), начинается такъ:

Вечоръ поздно изъ лѣсочка,
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручеечку
Близъ зеленаго лужка—
Вижу баринъ ѣдетъ съ поля;
Двѣ собачки впереди,
Два лакея позади...

Портретъ (гравюра) графини П. И. Шереметевой.

(Изъ театр. музея В. В. Протопопова).

Лишь со мною поровнялся
Бросилъ взоръ свой на меня
— „Чья такая ты, красотка?
Изъ котораго села?"
„Вашей милости крестьянка",—
Отвѣчала ему я.
„Коль слыхали о Парашѣ,
Такъ Параша — это я!"

Въ другой пѣснѣ поется:

...У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонятъ,
Нашу милую Парашу
Вѣнчать съ бариномъ хотятъ...

Параша Ковалева родилась вблизи села Кускова, издавна принадлежавшаго роду Шереметевыхъ, тамъ находился лучшій въ тѣ годы крѣпостной театръ. Уже съ дѣтскихъ лѣтъ она была взята въ графскій домъ и воспитана княгиней М. М. Долгоруковой, племянницей брата Петра Борисовича Шереметева, отца будущаго ея супруга. Тамъ, въ барскихъ покояхъ она научилась иностраннымъ языкамъ, развила свой музыкальный талантъ и вскорѣ же заблистала въ первыхъ роляхъ на Шереметевской сценѣ подъ именемъ Прасковьи Жемчуговой.

Шереметевскій театръ и его труппа еще при жизни графа Петра Борисовича были отданы въ вѣдѣніе графа Николая Петровича. На этой почвѣ произошло его сближеніе съ Прасковьей Ивановной. Онъ вскорѣ же выдѣлилъ ее изъ актерской среды и она стала именоваться Ковалевской, а эту фамилію вольногенеологическими путями сумѣли связать со старой польской фамиліей...

Всѣ записки и воспоминанія современниковъ сходятся на томъ, что Прасковья Ивановна была чрезвычайно умной и обязательной женщиной, сумѣвшей своей преданностью и лаской угождать избалованному барину, сглаживать его отношенія къ крестьянамъ, сдерживать его порывы. Нѣсколько лѣтъ спустя она стала для гр. Николая Петровича той драгоцѣнной необходимостью, безъ

которой жизнь становится пуста, и у него явилась рѣшимость обвѣнчаться съ ней.

Бракосочетаніе состоялось въ ноябрѣ 1800 года, но оно держалось въ тайнѣ до рожденія ребенка. Однако, графинѣ не долго пришлось пользоваться своимъ новымъ положеніемъ: она умерла въ февралѣ 1803 года, разбивъ своей смертью всѣ надежды и счастье мужа.

Какъ женщина чуткая, отзывчивая и никогда не забывавшая свое скромное происхожденіе, Прасковья Ивановна завѣщала большія суммы на добрыя дѣла и отчасти благодаря этому память объ обаятельной графинѣ-крестьянкѣ сохранилась въ народѣ еще долгіе годы.

Съ Прасковьи Ивановны не разъ писали портреты, какъ крѣпостные художники, такъ и художники, пріѣзжавшіе изъ заграницы. Помѣщаемая здѣсь гравюра изъ театральнаго музея В. В. Протопопова была сдѣлана съ одного изъ такихъ портретовъ. Это своего рода уника.

Что касается портретовъ Прасковьи Ивановны, какъ большихъ—въ костюмахъ ея лучшихъ ролей, такъ и миніатюрныхъ, то почти всѣ они бережно сохраняются вдали отъ любопытныхъ взоровъ въ усадьбахъ семьи Шереметевыхъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, приписываемый то Анжеликѣ Кауфманъ, то крѣпостному художнику Николаю Аргунову, былъ выставленъ нѣкоторое время на Таврической Выставкѣ 1905 года. Теперь онъ находится въ имѣніи Шереметевыхъ „Останкино".

Николай Брянчаниновъ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Вся жизнь состоитъ изъ пустяковъ".
Изъ сочиненій какого-то философа.

...ить вина?! Нѣтъ благодарю покорно! Даже ...ъ милый докторъ, что самая ничтож... уже отравляетъ мозгъ, и весь ...душу, я все-таки не откажусь отъ бу...ого Ришбура, даже этого крѣпчайшаго Bour...о съ нимъ на часъ-другой возвращается ...

Пушкинъ совѣтовалъ пить смолоду, помните:

„Пейте за радость
Юной любви.
Скроется младость,
Дѣты мои
Кубокъ янтарный
Полонъ давно;
Я, благодарный,
Пью—за вино".

— „Мало ли кто совѣтовалъ пить?! Я увѣренъ, что и нашъ милѣйшій докторъ противъ этого только по непріятной обязанности. Доктора обязаны думать, что всѣ болѣзни нужно лечить—это громадное заблужденіе! Иногда лучше примириться съ болѣзнью... Того нельзя, этого нельзя, можно рисъ, поѣзжайте туда, не пейте вина, можно Эмсъ—нѣтъ лучше болѣть въ такомъ случаѣ".

Посмѣялись, выпили еще по бокалу Ришбура, снова говорили.

... „Не то Дюма, не то Додэ писалъ, что одна ночь пьянаго дебоша, ночь, отданная вину, стоитъ тома сочиненій: такъ много тратится нервной силы.

Но вино и вдохновляетъ. Мозгъ на время работаетъ съ подъемомъ, мысли ярче, острѣе, остроумнѣе... Вино дѣлаетъ людей добрѣе, понижаетъ напряженность нервовъ, отвлекаетъ отъ засѣвшаго въ душу горя"...

Такъ говорилъ старшій изъ насъ, уже съ сѣдиной, уже съ мѣшками около глазъ. Онъ проѣлъ и пропилъ два состоянія—бабушки и двоюроднаго дяди—по счастливой для него случайности, у тѣхъ не было болѣе близкихъ родственниковъ.

Говорили вообще о винѣ. Каждый добавлялъ, что зналъ.

Вспоминали о какой-то бутылкѣ Го-Бріонъ, которымъ угощалъ во Франціи знатоковъ кн. Голицынъ, выписавши эту бутылку изъ Россіи, изъ своего погреба, или какъ онъ называлъ „музея винъ". Бутылка была 1808 года и цѣны не имѣла—это была уника! Вспомнили о хересѣ 1830 года, который тянулся, какъ масло... Говорили о странномъ вліяніи на хлѣбную водку времени цвѣтенія пшеницы: водка тоже начинаетъ бурлить въ это время, точно въ ея элементахъ сохранились еще тѣ же жизненныя начала, что и въ новомъ зернѣ.

— „Удивительно дѣйствіе тропиковъ на вино," разсказывалъ одинъ изъ насъ,—„самое посредственное вино, побывавши въ качкѣ подъ тропиками, становится мягкимъ и ароматичнымъ, говорятъ, оно болѣетъ какой-то тропической болѣзнью и дѣлается поэтому тоньше".

— „Это понятно! Каннибалы съ Ново-Гебридскихъ острововъ предпочитаютъ анемичныхъ бѣлыхъ, находятъ, что они вкуснѣе совсѣмъ здоровыхъ: у тѣхъ мясо жестче,"—добавилъ одинъ изъ насъ, склонный къ пародоксальнымъ мыслямъ.

— „Это шутки, а серьезно говоря такое странное вліяніе тропиковъ—не тепла и не качки, а непремѣнно тропиковъ—до сихъ поръ не объяснено".

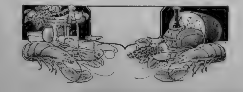
— „У меня подагра, часто мучительная, но если мнѣ показать запыленную бутылку съ такимъ, знаете, внутреннимъ плотнымъ налетомъ какого нибудь стараго Монтрашэ или сухого Токайскаго, я буду пить вопреки всякой осторожности! Къ тому же моя бабушка, за всю жизнь, говорятъ, не выпила и рюмки алкоголя, а тоже умерла отъ подагры!..

— „Настроеніе, какое дается такимъ превосходнымъ виномъ стоитъ не меньше, чѣмъ подагра..."

— „Да, но вы забываете самое главное: для того, чтобы вино доставляло наслажденіе, его нужно не пить... Когда его пьешь сегодня, пилъ вчера и станешь пить завтра—оно перестаетъ давать то настроеніе, о которомъ вы говорите"...

Ничего не рѣшили, ни къ чему не пришли, кромѣ того, чтобы собраться опять черезъ мѣсяцъ: кто-то обѣщалъ достать удивительный Штейнвейнъ.

Вл. Крымовъ.



ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ КАРТИНѢ „ПЛЯШУЩАЯ ИСПАНКА“.

Эта картина является первымъ футуристическимъ произведеніемъ міра, созданнымъ до опубликованія манифеста футуристскихъ живописцевъ, проповѣдующихъ динамическій дивизіонизмъ.

Задача этой картины дать впечатлѣніе движущейся танцовщицы. Въ разрѣшеніи этой задачи авторъ исходилъ изъ слѣдующаго соображенія: наблюдая движущееся тѣло, мы замѣчаемъ, что части его мелькаютъ передъ нами различными своими сторонами такъ, что глазу представляются почти одновременно, напр., передняя, задняя и боковая стороны наблюдаемаго тѣла. Приводя „разрозненныя“ движеніемъ части въ порядокъ (чтобы освоиться съ предметомъ въ его нормальномъ положеніи), глазъ испытываетъ нѣкое специфическое утомленіе, свидѣтельствующее о наличности самаго движенія, какъ объекта воспріятія.

Н. Евреиновъ

Графиня Сапари съ дочерью.

Дѣти графа Сапари.

АВСТРІЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Comte Frederic Szapary de Szapar Mura-Szombat et Szichy-Szizet.

Графъ Сапари началъ свою дипломатическую карьеру какъ атташе Австрійскаго Посольства въ Римѣ. Передъ назначеніемъ въ Россію онъ занималъ должность начальника иностраннаго отдѣла въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Вѣнѣ; въ Петербургъ онъ назначенъ посломъ осенью 1913 года. Графъ женатъ на принцессѣ Виндишгрецъ, у него четверо дѣтей. Графъ большой любитель искусствъ, большой спортсменъ.

АВСТРІЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Группа членовъ австрійскаго посольства. Слѣва направо: посолъ графъ Сапари; совѣтникъ посольства — графъ Чернинъ; атташе — графъ Фестетигъ; 1-й секретарь — принцъ Фюрстенбергъ; секретарь—графъ Цаки; военный атташе — принцъ Гогенлоэ-Вальденбургъ-Шиллингфюрстъ.

Вестибюль.

Бальный залъ—въ открытую дверь виденъ вестибюль; на каминѣ—бюстъ Маріи Терезіи.

АВСТРІЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Большая гостиная; около камина—портретъ Императора Франца, надъ диваномъ—портретъ Императора Іосифа II, въ углу на мольбертѣ портретъ старшаго сына посла „Ласло".

Посольская римско-католическая капелла. Престолъ выполненъ руками русскихъ кустарей; орнаменты въ византійскомъ стилѣ. Интересна раскраска свода. Мессы совершаются въ капеллѣ каждое воскресеніе и въ дни особыхъ торжествъ.

Галлерея съ портретомъ Императора Франца-Іосифа (портретъ работы Вильгельма Вита).

Фасадъ зданія австрійскаго посольства по Сергіевской ул.

Мы сошлись на свиданье случайно
Въ садъ, объятый вечернею тайной.

На скамейкѣ подъ яблонью старой
Мы сидѣли смущенною парой.

Ароматы струили съ куртины
Резеда и левкой и жасмины;

Опьяняя, какъ томныя грезы,
Распускалися алыя розы.

И укропа духъ пряный и сладкій
Донесли огородныя грядки.

Съ любопытствомъ лукаво и смѣло
Сквозь деревья луна къ намъ смотрѣла.

Мы, глаза опустивши, молчали,
Но сердца наши громко стучали.

Словно тщетнымъ томясь ожиданьемъ,
Они сами спѣшили признаньемъ;

Словно высказать сами пытались,
Чего мы открыть не рѣшались.

Ночь пришла, но земля не заснула.
Отъ пруда вѣтеркомъ потянуло.

Заливались въ немъ хоромъ лягушки,
Имъ кузнечикъ отвѣтилъ съ опушки,

И назойливый рой комариный
Взвился съ маршемъ побѣднымъ надъ тиной.

За деревьями домъ двухъ-этажный
Наблюдалъ насъ серьезный и важный.

Мих. Мазаевъ

Много въ небѣ огней,
Много яркихъ очей
У ночей.
Но межъ ними луна
Держитъ путь свой одна.
Да, одна...
Много въ мірѣ людей,
Только нѣту друзей,
Нѣтъ друзей...
Одинока душой
Ты живешь сиротой...
Сиротой...
И какъ въ небѣ луна,
Ты томишься одна.
Да, одна...

М. Бобровскій.

Н. П. Балашовъ.

(Шаржъ ***).

ВЪ ТРЕХЪ СТАРЫХЪ УСАДЬБАХЪ.

(Окончаніе).

Волково-Степановское, Тверской губ. Имѣніе [illegible] Алексѣевны Нарышкиной и Алекс. Алексѣевны Козенъ (рожд. княженъ Куракиныхъ).

Какъ прослышимъ, что она ѣдетъ, старшіе кре[illegible] со всей волости идутъ къ ней. Ну, поздо[illegible]: „здравствуйте, мужички! Какъ трудитесь, ка[illegible] ждете урожая?“ Обо всемъ и перетолкуетъ. [illegible] просто. Ко всякому сама выходитъ. Сколько [illegible] нашего народа въ Петербургѣ на мѣста [illegible], которые солдатчину отслуживши... Коли [illegible] пріѣдетъ, сейчасъ по школамъ начинаетъ [illegible], на экзамены...

Такъ повѣствовалъ везшій меня подъ вечеръ ям[щи]къ о помѣщицѣ, къ которой я ѣхалъ, вліятельной [пе]тербургской дамѣ. Она пополамъ съ сестрой своей [вла]дѣла обширнымъ родовымъ княжескимъ имѣніемъ [съ] старинной усадьбой.

— Вотъ видите, домъ изъ-за деревьевъ смотритъ! Мы въѣхали въ длинную алею. Сбоку стоялъ двухъэтажный домъ голландскаго стиля для управляющаго и длинные каменныя службы. Завернули. Открылась большая площадь передъ домомъ, смотрѣвшимъ въ пустой паркъ.

Что за величественный empire!

Высоко поднятый на фундаментѣ трехэтажный домъ съ выступающей посерединѣ сильно впередъ широкой ротондою и съ раздавшимися далеко въ стороны крыльями. Торжественно и вмѣстѣ легко. Боковая громадная тераса заставлена растеніями и цвѣтами.

Вечеръ въ уютныхъ комнатахъ съ англійскимъ комфортомъ, съ семейными портретами именитыхъ художниковъ на стѣнахъ, проходитъ въ разсказахъ о строителѣ усадьбы, большомъ вельможѣ Павла и Александра. Вотъ онъ, прозванный въ одной изъ европейскихъ столицъ за свое великолѣпіе „брилліантовымъ“, въ бархатномъ костюмѣ, съ широкимъ жестомъ и доброжелательной улыбкой, родоначальникъ нѣсколькихъ имъ начатыхъ слѣва новыхъ баронскихъ родовъ... Какое вліяніе — давать à ces bâtards прямо баронскіе титулы!.. Былъ великодушенъ. Только недавно потомки его узнали, что въ Украйнѣ онъ отпустилъ на волю съ землею нѣсколько тысячъ крестьянъ.

Утро посвящено осмотру дома. Длинные ряды парадныхъ комнатъ громадной вышины, съ нетронутой въ теченіе вѣка мебелью. Длинная портретная галлерея съ знакомыми по воспроизведеніямъ портретами, изразительныя бра на стѣнахъ въ аршинъ вышины, люстры: одна въ видѣ бронзовой вазы, обставленной гнѣздами для свѣчъ, другая—рядъ кружевъ изъ хрусталя, а отъ одной трудно оторваться: нѣсколько четырехугольниковъ, суживающихся кверху ярусовъ густыхъ хрустальныхъ зеренъ, увѣнчанныхъ каскадомъ хрусталя.

Драгоцѣнные столы съ фарфоровыми вазами, стулья поразительнаго изящества съ гобеленной обивкой; въ боковыхъ глубокихъ комнатахъ, гдѣ, вѣроятно, десятилѣтіями никто не ночевалъ, широкія кровати подъ балдахинами, и всюду портреты и портреты.

По торжественной лѣстницѣ мы поднимаемся въ половину другой сестры. Глаза уже устали любоваться вещами... Но хозяйка углублась въ такую кушетку à la Récamier, что я восклицаю:

— Пожалуйста, снимите съ нея фотографію!

Округленныя бока и тонкій перистый золотой бордюръ—необычайно нарядно и просто.

Въ третьемъ этажѣ домашняя церковь и памятникъ умершему 20-лѣтнимъ кавалергардскимъ офицеромъ, дядѣ хозяекъ. По портретамъ — сверкающіе жизнью и умомъ глаза. Положенъ за 10 верстъ въ приходской церкви, а тутъ—копія съ надмогильнаго памятника.

Противъ церкви по коридору — громадная кладовая съ посудой и фарфоромъ. Большая рѣдкость, cache-coussins—овальный, краснаго дерева, встрѣчавшійся мнѣ въ жизни раза два.

— А такой у бабушки еще есть внизу,—говоритъ внучокъ хозяекъ, водящій меня по верхнимъ этажамъ.

Потомъ садъ въ оградѣ, съ бѣлыми четыреугольными столбами и широчайшей дорогой, какъ въ паркѣ Петровскаго - Разумовскаго, подъ Москвой,— отъ дома въ поле дремлющій прудъ и свѣтящійся черезъ изгородь заболоченный лугъ. Смотримъ на домъ съ другой стороны, откуда былъ прежде подъѣздъ, идемъ къ большому бѣлому обелиску, проходимъ къ рабочей части усадьбы, длинному каменному дому съ башней, — первоначальный господскій домъ времени Петра Великаго, гдѣ теперь живутъ рабочіе, къ каменному обширному скотному двору, гдѣ встрѣчаемъ скотника, собирающагося въ Ярославль за [illegible]лочными коровами, въ конюшню, гдѣ внучокъ, [illegible]чикъ 16—17 лѣтъ, смѣлый, лихо правящій трой[кой] въ своей сферѣ.

Послѣ завтрака отправляюсь смотрѣт[ь] [illegible] выстроенную помѣщицей въ большой [illegible] ея вовсе не было, верстахъ въ шести отъ [illegible] Церковь городского вида, трехпрестольная [illegible]

За церковью—родникъ студеной воды, поч[illegible] цѣлебнымъ. Въ просторной часовнѣ надъ [illegible] прохладно и уютно. Въ Тихвинскую—имя[illegible] бываетъ большое стеченіе народа изъ [illegible] волостей и ярмарки. Въ этотъ годъ вперв[ые] [illegible] на ярмаркѣ погребка со спиртными н[апитками] [illegible] ни надбавляли за него цѣну.

Помѣщица ведетъ дѣятельную борьбу [illegible]ную трезвость. Заведено приходское о[бщество трез]вости, вербующее въ свои ряды и подр[illegible] какъ трезвость легче всего для челов[illegible] никогда не бралъ въ ротъ ничего хмельно[го] [illegible]лыхъ трезвенниковъ изъ своего села 60 чел[овѣкъ, а ку]да изъ окрестностей свыше 100.

Недалеко отъ церкви стоитъ свѣжее незави[illegible] зданіе Народнаго дома съ чайной.

— Надо же мужичку гдѣ-нибудь собраться [о] своихъ дѣлахъ перетолковать. Такъ вотъ, пускаи [въ] чайную и ходятъ: чисто, просторно — говоритъ приходскій батюшка.

При Народномъ домѣ живетъ и обслуживаетъ его, хранитъ стекла картинокъ волшебнаго фонаря, опытный человѣкъ изъ солдатъ. Онъ можетъ и читать для народа.

Отрадно было войти въ очень просторный, высокій, съ громадными окнами, залъ Народнаго дома. Впереди—эстрада, которая можетъ быть превращена и въ театральную сцену, на эстрадѣ стоялъ рояль. Вся зала была заполнена длинными скамьями съ проходомъ посрединѣ.

— Исполать строительницѣ,—сказалъ священникъ, радостно обводя взоромъ свѣжесть бревенчатыхъ стѣнъ — этимъ домомъ она большое дѣло сдѣлала. Ни одного чтенія не проходитъ безъ того, чтобы онъ не былъ переполненъ. Впереди предъ скамьями дѣтей сажаемъ, а за скамьями стѣной стоятъ кто попозже пришелъ... Вотъ недавно къ намъ сюда приходила экскурсія изъ школьниковъ Московскаго уѣзда — 140 человѣкъ было. Мы ихъ тутъ принимали, чтеніе для нихъ устроили. Дивились они на нашъ домъ...

Блеститъ на солнцѣ красный фундаментъ, заложенной весною больницы, гдѣ деревенскія дѣвушки будутъ учиться ходить за больными. На лужку играли маленькія сиротки монастырскаго пріюта.

А стоявшая въ шести верстахъ величественная каменная усадьба внимательно всматривалась во всѣ эти пущенные изъ себя побѣги. Эта старая усадьба „брилліантоваго“ князя, съ сохранившимися въ ней блескомъ „былыхъ торжественныхъ временъ“, разсылала изъ себя въ окрестныя деревни лучи помощи и знанія -и тѣмъ оправдывала себя...

I. [illegible]

„ЕЛИЗАВЕТИНО“
гг. ОХОТНИКОВЫХЪ.

Фасадъ къ линіи Балтійской ж. д.
Постройка временъ Имп. [illegible]

Зала въ два свѣта.

Фасадъ Елизаветинскаго дома со стороны парка.

По преданію, это былъ охотничій домикъ Елизаветы Петровны. Тогда здѣсь часто устраивались пикники и охоты—это мѣсто любила Императрица.

Екатерина II воспитывала здѣсь своего сына (отъ графа Орлова) графа Бобринскаго. Въ домѣ имѣнія сохранился портретъ графа въ дѣтствѣ. Затѣмъ имѣніе было подарено гардеробъ-мейстеру императрицы, дѣйствительному тайному совѣтнику Шкурину; отъ него перешло его племянницамъ Волковымъ, отъ которыхъ пріобрѣтено княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой, а отъ нея перешло по наслѣдству дочери, по мужу Охотниковой.

Семья шталмейстера Влад. Ник. Охотникова лѣтомъ живетъ въ имѣніи и тогда тутъ на время воскресаетъ жизнь прошлаго...

Церковь въ Елизаветинѣ.
Построена въ 1766 году дѣйств. тайн. сов. гардеробмейстеромъ Василіемъ Григорьевичемъ Шкуринымъ.

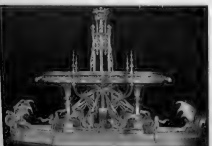
Иконостасъ въ церкви Елизаветинѣ.

„ЕЛИЗАВЕТИНО“ гг. ОХОТНИКОВЫХЪ.

Прудъ въ Елизаветинскомъ паркѣ.

Золотой чайный сервизъ, принадлежащій княгинѣ М. Н. Прозоровской-Голицыной.

Сервизъ принадлежалъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ 1795 г. Императрица гостила у князя Сергѣя Михайловича Голицына въ его имѣніи „Кузьминка“, подъ Москвою и, уѣзжая, приказала оставить, въ память этого пребыванія, князю Голицыну свой чайный сервизъ. Княгиня Прозоровская-Голицына получила этотъ сервизъ послѣ смерти своей матери, рожденной княгини Трубецкой, которая, въ свою очередь, наслѣдовала сервизъ отъ князя С. М. Голицына.



Surtout de table отъ серебрянаго сервиза въ готическомъ стилѣ (принадл. тоже В. П. Кельхъ, рожд. Базановой). Какъ извѣстно, почтине существуетъ серебра готики; и современнымъ ювелирамъ пришлось самимъ вырабатывать стиль по старой деревянной рѣзьбѣ.

О ГОСТЕПРІИМСТВѢ.

Англійское гостепріимство, въ противоположность гостепріимству шотландскому, которое перешло уже давно въ пословицу (во французскомъ языкѣ существуетъ даже поговорка „гостепріименъ, какъ шотландецъ“), обходится довольно дорого тому, кто его принимаетъ.

Обыкновенно это приглашеніе провести въ деревнѣ, на лонѣ природы, конецъ недѣли „week's end“, т. е. отъ субботы до понедѣльника или же, но гораздо рѣже, на цѣлую недѣлю во время каникулъ или въ сезонъ охоты. Въ обоихъ случаяхъ приглашенный не долженъ забыть взять съ собою фракъ, костюмъ для тенниса и небольшія мелочи — рекомендуются полусомбрены.

На ближайшей отъ имѣнія станціи васъ встрѣчаетъ грумъ съ маленькой телѣжкой или шофферъ „driver“ со строгимъ и начисто выбритымъ лицомъ клержмэна [illegible]. Не пытайтесь никогда заводить съ этими господами разговоръ, вы все равно ничего не поймете изъ ихъ отрывистыхъ, гортанныхъ отвѣтовъ.

По пріѣздѣ въ усадьбу васъ сейчасъ же проведутъ въ отведенную для васъ комнату, гдѣ приставленный къ вашей особѣ лакей очень быстро, но безъ всякаго спроса, распакуетъ всѣ ваши чемоданы, повѣситъ платья въ шкафъ, туалетныя принадлежности поставитъ на столъ, а на кровать положитъ чистую бѣлую рубашку уже со вложенными имъ же запонками, въ виду вашего переодѣванія къ обѣду въ традиціонный фракъ.

Послѣ лакея появляется старшій садовникъ. Это всегда прилично одѣтый и умѣющій себя держать джентльменъ. Онъ поднесетъ вамъ нѣсколько цвѣтовъ, бѣлой гвоздики для петлицы фрака и букетъ розъ, чтобы украсить холодный каминъ вашей комнаты. Вниманіе этого человѣка, конечно, не можетъ васъ оставить равнодушнымъ и вы вспомните объ немъ передъ отъѣздомъ, въ противномъ случаѣ онъ самъ вамъ о себѣ напомнитъ.

Встрѣча съ хозяевами происходитъ обыкновенно передъ обѣдомъ или, если вы пріѣхали очень рано, то передъ тѣмъ, какъ садиться завтракать. Если, кромѣ васъ, есть еще и другіе гости, то знакомиться съ ними вамъ предоставляется самому. Хозяева очень рѣдко когда представляютъ своихъ гостей другъ другу и даже членовъ своей семьи; вамъ уже самому приходится наводить справки и догадываться о соціальномъ и родственномъ положеніи присутствующихъ.

За столомъ царствуетъ очень часто пресловутый англійскій „cant“: общихъ разговоровъ почти никогда не бываетъ, бесѣды ведутся между ближайшими и случайными сосѣдями, причемъ никто абсолютно не интересуется личностью своего сосѣда.

Въ нѣкоторыхъ домахъ Ирландіи и Шотландіи существуетъ еще обычай подавать къ столу [illegible] ростбифъ не разрѣзаннымъ.

Метръ-д'отель ставитъ его передъ самымъ молодымъ изъ сидящихъ за столомъ и тотъ принужденъ его разрѣзать. Это — большая честь, которую дѣлаетъ хозяинъ своему юному гостю, но горе тому, кто не сумѣетъ разрѣзать ростбифъ, какъ того требуютъ приличія и кулинарныя традиціи. Я знавалъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые передъ тѣмъ, какъ ѣхать гостить въ дома „стараго закала“, брали уроки рѣзанія ростбифа.

Послѣ обѣда или завтрака вамъ предоставляется полная свобода дѣйствій. Никто вами не занимается, но и вамъ не нужно никого занимать. Партіи или кружки образовываются по личной инипіативѣ или симпатіи, но хозяева этому совершенно не способствуютъ.

По вечерамъ мужчины собираются въ курительную комнату, курятъ трубки, пьютъ „кларетъ“ или чаще „whisky and soda“ и большую часть времени молчатъ.

Въ 11 часовъ вся усадьба уже спитъ.

Удовольствіе пожить такъ день другой обходится довольно дорого. Я выписалъ какъ-то изъ расходной книжки одного моего пріятеля, человѣка аккуратнаго и экономнаго, нѣсколько цифръ, касающихся тѣхъ чаевъ, которые ему пришлось раздать послѣ двухдневнаго пребыванія въ усадьбѣ одного благороднаго лорда. Вотъ эти цифры:

Метръ-д'отелю — 10 руб.,
лакею — 10 руб.,
первой горничной (parlour maid) — 5 руб.,
второй горничной — 3 руб.,
двумъ выѣзднымъ лакеямъ — по 3 руб. каждому,
старшему повару — 10 руб.,
младшему повару — 5 руб.,
шофферу — 10 руб.,
груму — 3 руб.,
старшему садовнику — 10 руб.

Глобтроттеръ

Княгиня Марія Петровна Прозоровская-Голицына, рожденная княжна Трубецкая.

Княжна Марія Александровна Прозоровская-Голицына, фрейлина Ихъ И. В. Государынь Императрицъ.
Княжна—послѣдняя въ молодомъ поколѣніи представительница рода князей Прозоровскихъ-Голицыныхъ.

Между представителями этого рода извѣстенъ бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, намѣстникъ въ Астрахани, убитый, по приказу Стеньки Разина, 22-го іюня 1670 года, съ нимъ погибли восьмилѣтній сынъ его, князь Борисъ, и братъ, князь Михаилъ Семеновичъ. Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, котораго Петръ Великій, въ первый отъѣздъ свой за границу, назначилъ членомъ Совѣта по управленію государствомъ.

Дочь генералъ-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, княжна Варвара Ивановна, была женою Суворова. Въ царствованіе Императора Александра I извѣстенъ генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій. Онъ не имѣлъ сыновей, а дочь была въ замужествѣ за княземъ Голицынымъ. Въ [illegible] году князю Александру Федоровичу Голицыну было Высочайше разрѣшено принять фамилію [illegible] княземъ Прозоровскимъ-Голицынымъ.

НАШИ ЛЮБИТЕЛЬНИЦЫ ДРАМАТИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

А. А. Кузьмина-Караваева.

О. А. Листовская (рожд. Искрицкая).

Баронесса Остенъ-Сакенъ.

Въ мастерской барона К. К. Раушъ-фонъ-Траубенберга— позируетъ скульптору М. Э. Маковская.

Статуэтка съ г-жи Вейнеръ работы К. К. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ.

ПОРТРЕТЫ ВЪ СКУЛЬПТУРѢ.

Мраморный бюстъ О. К. Юрьевичъ работы гр. Л. Л. Толстого.

Между другими работами гр. Л. Л. Толстого, [illegible] выставлялъ на разныхъ выставкахъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, обратили на себя вниманіе бюсты гр. Л. Н. Толстого, гр. С. А. Толстой, мраморный бюстъ маленькой дочери Льва Львовича и нѣсколько головъ яснополянскихъ [illegible].

Въ Парижѣ Л. Л. занимался, кромѣ академіи, у [illegible] Родена, котораго онъ ярый поклонникъ.

Одинъ изъ бюстовъ Л. Л. Толстого находится въ Нью-Іоркѣ въ „Національной галлереѣ искусствъ", другой продается [illegible] Америкѣ въ изданіи художественно-ювелирной [illegible] (богатѣйшій ювелиръ міра').

Вмѣсто прежняго обычая заказывать художникамъ свои портреты, входитъ въ моду обыкновеніе дѣлать съ себя статуэтки небольшого размѣра изъ пластелина, фарфора или бронзы. Находятъ, что пластическое искусство съ гораздо большею выразительностью и отчетливостью, нежели живопись на полотнѣ, передаетъ складъ и черты лица, линіи фигуры, грацію, позы и т. д.

Однимъ изъ иниціаторовъ этого жанра въ Петербургѣ является молодой скульпторъ бар. Раушъ-фонъ-Таубенбергъ.

Имъ уже исполнены статуэтки съ княгини Н. Н. Щербатовой, г-жи Вейнеръ (рожд. Быховецъ), г-жи Н. А. Гревсъ, княгини С. М. Волконской [illegible].

Теперь бар. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ работаетъ надъ статуэткою М. Э. Маковской, которая будетъ, повидимому, очень удачной.

Академ. Беклемишевъ въ своей студіи лѣпитъ съ артистки Императ. балета Барашъ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

...На-дняхъ продана съ аукціона вилла покойнаго doyen Михайловскаго театра Андріэ въ маленькомъ городкѣ Рюейлѣ около Парижа.

Вилла эта хорошо знакома многимъ петербургскимъ театраламъ, нерѣдко посѣщавшимъ Андріэ въ его уютномъ уголкѣ.

Лѣтомъ, по четвергамъ, сюда собиралось все мѣстное общество: мэръ, супрефектъ съ женой, нотаріусъ и др., а также гости изъ Парижа, среди которыхъ бывали К. А. Скальковскій, генералъ М. Н. Анненковъ, В. Н. Герардъ, Ф. К. Холмъ и др. петербуржцы.

Андріэ, былъ хозяинъ очень [illegible] и [illegible], и гости часто засиживались у него съ утра [illegible] вечера.

* * *

Графъ Менгденъ, адъютантъ Вел. Князя Николая Николаевича считается первымъ въ Россіи „натащикомъ"-[illegible].

„Въ чемъ это искусство?"

„Это нельзя [illegible]. Нужно чутье. Я помню, [illegible] верховой ѣзды. [illegible] передать нельзя [illegible] онъ бралъ мою руку [illegible] нее поводья, [illegible] „вотъ такъ"... Также и натаска. [illegible] особенности"...

* * *

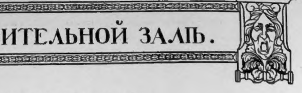
..Одна изъ петербургскихъ [illegible] ливаетъ статуэтки изъ цвѣтныхъ [illegible] рита, яшмы, оникса и даже гранита [illegible] Государя Императора [illegible] туэтки будутъ храниться въ [illegible] документы. Это своего рода папирусъ [illegible] долговѣчнѣе нашей современной бумаги [illegible] сто лѣтъ.

Интересно отмѣтить, что и [illegible] бой важности изготовляются для архивовъ [illegible] ные на пергаментѣ, и хотя такіе [illegible] разъ дороже обыкновенной [illegible] лать ради борьбы съ всесильнымъ временемъ.

Эти каменные документы [illegible] камни нужныхъ цвѣтовъ и [illegible]

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦІИ В. Я. СВѢТЛОВА.

Статуэтка Камарго (старинный севръ), чугунная ножка Фанни Эльслеръ, на колоннѣ — Л. Ф. Шолларъ, нога Анны Павловой, головка Клео-де-Меродъ и статуэтка Терпсихоры.



ТѢНИ ПРОШЛАГО.

(Изъ записной книжки балетомана).

К. А. Скальковскій въ теченіе долгихъ лѣтъ занималъ кресло въ первомъ ряду, въ единственномъ тогда балетномъ абонементѣ. Лѣвѣе отъ него сидѣлъ Н. М. Безобразовъ, а правѣе Е. Н. Чаплинъ. Это были балетоманы въ прежнемъ значеніи слова. Они любили балетъ искренно, горячо, едва ли не больше всего на свѣтѣ. Ихъ нѣтъ, они умерли, до послѣднихъ дней жизни оставшись вѣрными своему любимому искусству...

Я помню, какъ Безобразовъ, тяжело больной, никуда уже не выходившій, чувствуя надвигавшійся конецъ, захотѣлъ еще разъ—въ послѣдній разъ—посмотрѣть балетъ. Съ большимъ трудомъ явился онъ въ театръ, радостно сѣлъ въ свое кресло и приготовился смотрѣть. Но заигралъ оркестръ увертюру къ „Ручью", и Безобразову сдѣлалось нехорошо: отъ яркаго свѣта, отъ толпы, отъ звуковъ музыки у него закружилась голова и больное сердце стало давать перебои. Онъ уѣхалъ до поднятія занавѣса, такъ и не увидѣвъ балета.

Въ первомъ же ряду сидѣлъ и братъ Константина Аполлоновича Скальковскаго, Павелъ Аполлоновичъ. Незадолго до смерти его разбилъ параличъ. Всѣ думали, что не увидятъ его больше въ балетѣ, но какъ только онъ немного оправился, такъ сейчасъ же и появился. Правая его рука, въ бѣлой перчаткѣ, была на перевязи, лѣвой онъ упирался на палку, пріѣзжалъ въ театръ и уѣзжалъ въ сопровожденіи сестры милосердія. Видимо, ему трудно давалось посѣщеніе балета, но онъ не могъ отказать себѣ въ этой сладкой привычкѣ.

Чаплинъ былъ моложе ихъ, и когда назначенъ былъ петербургскимъ почтъ-директоромъ, буквально заваленный новой работой по переустройству Главнаго Почтамта и разными реформаторскими затѣями на европейскій ладъ, которыми онъ не безъ основанія гордился, онъ все-таки не пропускалъ ни одного балета, и хотя актъ или два, но сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Онъ былъ платонически увлеченъ тогда одной милой солисткой, которой давали иногда, въ видѣ пробы, танцовать отдѣльные небольшіе балеты. Въ такихъ случаяхъ онъ въ антрактахъ ловилъ по коридорамъ видныхъ балетныхъ критиковъ, любовно обнималъ за талію, выспрашивалъ ихъ мнѣніе, радовался, если они сходились съ нимъ въ оцѣнкѣ дебютанки, и заискивающимъ голосомъ прибавлялъ:

— N'est ce pas, qu'elle aura une bonne presse?.. И она имѣла эту „хорошую прессу", во-первыхъ, потому, что была вполнѣ достойна ея, а, во-вторыхъ, потому, что критикъ того времени былъ добродушный и ласковый.

А, вотъ, еще видная фигура абонента Ф. К. Холма. По профессіи онъ былъ старшимъ биржевымъ нотаріусомъ, по личнымъ вкусамъ и влеченіямъ — горячимъ театраломъ. Буквально ни одного вечера своей жизни, за исключеніемъ рѣдкихъ дней недомоганія, онъ не провелъ внѣ стѣнъ какого-либо театра. Аккуратно, ровно въ 8 часовъ, онъ являлся въ зрительный залъ, усаживался въ свое кресло въ первомъ ряду, и ровно въ 11 часовъ покидалъ театръ, хотя бы представленіе еще не кончилось. По его появленіямъ и исчезновеніямъ можно было провѣрять часы. Даже въ послѣдніе годы жизни, бодро неся на плечахъ бремя восьмого десятка, онъ не измѣнялъ этому обыкновенію, этой преданной любви къ огнямъ рампы. Если театры по случаю кануновъ праздниковъ были закрыты, Холма можно было найти въ какомъ-либо кинематографѣ или даже на репетиціи въ циркѣ. Это былъ худощавый, молодцовато державшійся старикъ, всегда элегантно одѣтый. Въ антрактахъ балета онъ приходилъ въ полицеймейстерскую комнату и обсуждалъ съ другими балетоманами, „имѣвшими входъ къ полицеймейстеру", только что прошедшій актъ. Онъ всегда былъ окруженъ танцовщицами, какъ роемъ красивыхъ мотыльковъ, и угощалъ ихъ конфетами изъ серебряной бомбоньерки, которую всегда носилъ съ собою.

Онъ умеръ „на своемъ посту", сильно простудившись въ театрѣ. Воспаленіе легкихъ свело его въ могилу въ нѣсколько дней и передъ этимъ большимъ театраломъ опустилась, наконецъ, тяжелая занавѣсь и навѣки скрыла отъ него великую сцену жизни, на которой онъ видѣлъ такъ много комедій и драмъ. Я думаю, что такая преданность театру, такая трогательная любовь къ искусству, возможна только въ человѣкѣ, который самъ обладалъ артистической душой...

Балетоманы въ то недалекое отъ насъ время вообще отличались какой-то сектанской преданностью музѣ Терпсихорѣ. Ихъ отношеніе къ балету нельзя иначе назвать, какъ „служеніемъ". На балетомановъ люди „солидные" смотрѣли косо, съ легкимъ пренебреженіемъ и тупоатымъ превосходствомъ. „У меня два сына", говорилъ какой-нибудь отецъ семейства, „одинъ идетъ хорошо, другой — балетоманъ"... Вспоминается бытовая сценка, ярко характеризующая отношеніе балетомана къ его излюбленному искусству.

Н. М. Безобразовъ занималъ видное служебное положеніе въ Горномъ Департаментѣ, директоромъ котораго былъ К. А. Скальковскій. Въ отдѣленіе Безобразова поступилъ молодой чиновникъ, только что кончившій курсъ Горнаго Института. Молодой человѣкъ пришелъ въ кабинетъ начальника съ докладомъ, къ которому тщательно приготовился. Безобразовъ сидѣлъ за большимъ столомъ, обложенный планами ложъ и креселъ Маріинскаго театра, спискомъ абонентовъ, кучами писемъ съ просьбами о мѣстахъ.

— Что вамъ?—досадливо спрашиваетъ онъ у молодого человѣка.

— Съ докладомъ къ вашему превосходительству,—отвѣчаетъ тотъ, приготовясь вынуть изъ папки бумаги.

— Какой вздоръ!—раздраженно возражаетъ начальникъ,—развѣ это не можетъ обождать? Вы видите, я занятъ бенефисомъ Леньяни.

Новый чиновникъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, но... не прошло и года, какъ онъ самъ сдѣлался страстнымъ, преданнымъ балетоманомъ. Это былъ М. Р. Блюменфельдъ, недавно безвременно скончавшійся.

Въ Маріинскомъ театрѣ М. Блюменфельдъ сидѣлъ въ первомъ ряду, съ правой стороны. Правая сторона въ балетѣ всегда считалась очень солидной и выдержанной, и никогда оттуда не раздавалось никакихъ протестовъ, неодобреній и признаковъ неудовольствія. Но М. Блюменфельдъ занялъ у „правыхъ" особую позицію и громко выражалъ свои мнѣнія.

Нельзя обойти молчаніемъ и П. П. Мельникова, мирового судью. Это былъ остроумнѣйшій собесѣдникъ, всегда веселый и всегда умный. Его острыхъ словечекъ побаивались, хотя онъ былъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ. Я помню его шутливыя выходки-бутады. Сзади него сидѣлъ абонентъ, который любилъ подпѣвать во время дѣйствія, вторя оркестру. И при этомъ всегда невыносимо вралъ.

— Никогда не зналъ, — повернувшись къ нему сказалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ Мельниковъ,— что въ партитурѣ „Конька" есть вокальное соло, и притомъ невѣрно написанное...

Онъ часто шутилъ надъ другимъ балетоманомъ, также нынѣ покойнымъ, который никогда не помнилъ ни одного балета, и котораго можно было увѣрить въ чемъ угодно.

— Я что-то не припоминаю этого балета,— говорилъ балетоманъ, опоздавъ на „Ручей".

— Какъ, развѣ вы не узнаете?—отвѣчаетъ съ той же серьезностью Мельниковъ:—Это—„Эсмеральда".

— Но какъ будто я ее видѣлъ иначе?..

— Это новая постановка,—не смущаясь говорилъ Мельниковъ, и балетоманъ удовлетворялся и уѣзжалъ, не досмотрѣвъ спектакля.

Мельниковъ писалъ рецензіи о балетныхъ спектакляхъ талантливо, сжато; онъ остроумно, мѣтко подмѣчалъ дефекты спектакля. Его всѣ очень любили и долго грустили, когда его не стало.

В. Свѣтловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦІИ В. Я. СВѢТЛОВА.

Башмачки (слѣва направо): Тальони, Эльслеръ, Вирживіи Цукки, Бріанцы, Леньяни; въ серединѣ жетоны Бахрушина, даримые имъ ежегодно въ бенефисъ кордебалета—за 8 лѣтъ; затѣмъ башмачки—Е. Соколовой, М. Кшесинской, О. Преображенской, В. Трефиловой, Анны Павловой, Т. Карсавиной и Е. Гельцеръ.

„ШАХМАТНАЯ ЖИЗНЬ" ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Россіи, съ давнихъ поръ было много любителей шахматной игры. Іоаннъ Грозный, по преданію, умеръ за шахматной доской; Петръ Великій часто развлекался шахматами на ассамблеяхъ; любили играть въ шахматы Потемкинъ и другіе екатерининскіе вельможи. Въ позднѣйшее время сильнымъ игрокомъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, часто игравшій со старымъ шахматистомъ Ильей Степановичемъ Шумовымъ.

Играли въ шахматы не только при Дворѣ и въ городахъ, но и въ захолустныхъ провинціальныхъ углахъ. Въ иныхъ собраніяхъ сохранились еще, выписанные изъ за границы художественной работы, шахматы изъ золота, серебра, слоновой кости, которыми играли дѣды и прадѣды.

Но долгое время не было центра шахматной жизни.

Черезъ два года, въ 1916 г., исполнится сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда молодой М. И. Чигоринъ началъ издавать „Шахматный Вѣстникъ",—первый въ Россіи серьезный журналъ, посвященный шахматамъ.

Въ ту пору, когда Чигоринъ началъ свое изданіе, петербургскіе шахматисты не имѣли постояннаго угла, гдѣ бы могли собираться. Играли въ маленькомъ ресторанѣ Прадера на углу Вознесенскаго и Адмиралтейской площади, у Доминика въ небольшой и шумной, насквозь прокопченной дымомъ, комнаткѣ рядомъ съ бильярдной, въ нѣмецкомъ клубѣ. Здѣсь бывали наиболѣе выдающіеся изъ тогдашнихъ петербургскихъ шахматистовъ: Э. С. Шифферсъ, А. Н. Грачевскій, А. И. Максимовъ, А. И. Мясниковъ, извѣстный составитель шахматныхъ задачъ И. О. Косъ и др.

Молодой и энергичный Чигоринъ, обладавшій большимъ организаторскимъ талантомъ, задумалъ создать для своихъ друзей—шахматистовъ такой уголокъ, гдѣ бы они могли чувствовать себя дома и пользоваться всѣми удобствами.

Послѣ долгихъ хлопотъ, ему удалось осуществить эту свою мысль.

Одна дама, хорошая знакомая большого пріятеля Чигорина полковника Дубровина, наняла на Мойкѣ недалеко отъ Полицейскаго моста большую квартиру, въ которой сама занимала лишь двѣ маленькія комнатки, а остальное помѣщеніе предоставила въ распоряженіе шахматистовъ.

Такъ возникъ шахматный клубъ или, какъ онъ оффиціально назывался, „Спб. общество любителей шахматной игры". Здѣсь шахматисты за небольшой членскій взносъ, пользовались читальней, большимъ заломъ для игры, бильярдной и столовой, гдѣ ежедневно бывали веселые ужины, а раза два въ мѣсяцъ общіе завтраки или обѣды.

Этотъ уютный шахматный уголокъ привлекъ сразу много посѣтителей, среди которыхъ были молодые сильные игроки: Н. Е. Митропольскій, С. И. Полнеръ, А. П. Шишкинъ, С. И. Синицынъ, П. В. Отто и др. Нерѣдко устраивались одновечерніе „томбола-турниры", по категоріямъ игроковъ, съ выходомъ проигравшихъ и двумя призами побѣдителямъ. Два раза въ годъ бывали большіе турниры по категоріямъ и „мейстеръ-турниръ" сильнѣйшихъ игроковъ, матчи: Чигорина съ Шифферсомъ, Алапинымъ и самарскимъ игрокомъ А. Н. Хардинымъ.

Этотъ клубъ, учрежденный въ началѣ 80-хъ гг., просуществовалъ нѣсколько лѣтъ, но его хозяйственная часть страдала хроническими дефицитами, такъ что онъ могъ продолжать свою дѣятельность только благодаря щедрымъ субсидіямъ члена Гос. Совѣта П. А. Сабурова, всегда относившагося къ шахматному дѣлу съ неослабѣвающимъ вниманіемъ и сочувствіемъ.

Послѣ нѣкотораго промежутка Чигорину удалось снова возобновить шахматное собраніе въ трехъ комнатахъ, уступленныхъ шахматному клубу собраніемъ сельскихъ хозяевъ. Въ этомъ помѣщеніи и былъ устроенъ въ 1895 г. международный „матчъ-турниръ" съ участіемъ Чигорина, Пиллсбери, Стейница и Ласкера, на которомъ послѣдній и былъ провозглашенъ „чемпіономъ міра". Съ тѣхъ поръ званіе „всемірнаго шахматнаго короля" и остается за Ласкеромъ въ теченіе 18 лѣтъ.

Нынѣшнее состязаніе первоклассныхъ шахматистовъ, также имѣющее международный характеръ, нѣсколько напоминаетъ эту первую попытку Чигорина привлечь въ Петербургъ иностранныхъ маэстро.

Если бы дожилъ до нашего времени Чигоринъ, то это состязаніе явилось бы большимъ праздникомъ для него.

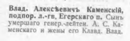
Ю. Морозовъ.

Елиз. Никол. Тавилдарова. Дочь чл. Совѣта Мин. Финанс., Управляющаго эксп. загот. государств. бумагъ, т. с. Н. И. Тавилдарова и его жены Ан. Аппол. рожд. Игнатьевой.

Екат. Конст. Злобина. Дочь гофм. Выс. Дв. К. М. Злобина и жены его Екат. Мих., рожд. Лавровой.

Бар. Конст. Георг. Корфъ. Сынъ умершаго полк. бар. Г. Г. Корфа и его (также покойной) жены, рожд. маркизы Дисеневія.

НОВОБРАЧНЫЕ.



Влад. Алексѣевичъ Каменскій, подпор. л.-гв. Егерскаго п. Сынъ умершаго генер.-лейтен. А. С. Каменскаго и жены его Клавд. Влад.

Спектакль, устроенный княгиней А. А. Оболенской въ пользу Александровскаго дѣтскаго пріюта.

Кн. А. А. Оболенская, М. Георгіевская, Е. К. Шидловская, Е. С. Извольская, М. фонъ-Цинглеръ, М. Ф. Кохъ, Затолокины; арт. Имп. т.: Е. К. Обухова, М. В. Порховникова; граф. Ланскій, гг. Савицкій, Казаченко, Эллисъ и друг.

Балъ въ цвѣтныхъ парикахъ у А. С. Леонардъ (22 марта 1914 г.) въ ея роскошномъ особнякѣ въ Спб., бывшемъ князей Юрьевскихъ.

Слѣва направо: 1-й рядъ: княгиня Голицына-Муравлина, В. В. Дейтрихъ, А. С. Пестова, М. А. Шишкина, А. И. Колпашниковъ-Комакъ, Н. А. Шишкина, И. В. Игнатьева, В. В. Авиловъ. 2-й рядъ: А. В. Сулима-Самойло, Т. Е. Утина, П. В. Шиловскій, Е. Г. Земмеръ, бар. Вреде. 3-й рядъ: Е. В. Дельсаль, К. В. Сулима-Самойло, Е. В. фонъ-Розенбергъ, М. М. Бетулинская, М. С. Мамаевъ, В. П. Гаврилова, М. У. Защукъ, М. И. Поповичъ-Липовецъ, В. В. Даусская. 4-й рядъ: Е. П. Домерщикова, бар. В. Ф. Штакельбергъ, М. Г. Доничъ, А. А. Адлербергъ, М. А. Арапова, Э. Г. Гершельманъ, М. К. Каменевъ, А. А. Кузьмина-Караваева, А. Ф. Баумгартенъ, Р. С. Булацель, О. В. Верховская, бар. А. В. Аккурти, ген.-м. Максимовъ, бар. Арисгофенъ, Н. А. Лаппо-Данилевская, Т. М. Бельгардъ.

На стр. 15 по недосмотру поставлены ковычки около слова Ласло (худ. Laszlo).

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.